

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.6

Великая российская революция: финансовые метаморфозы в 1917 – начале 1921 г.

© Р. А. Хазиев

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: khazievra@mail.ru

В статье исследуется вопрос, почему большевики, призывая к демонтажу и уничтожению старых финансовых структур и созданию новой экономической системы, справедливой и полезной для трудящихся масс, не придерживались на практике своей революционной риторики. Автор, раскрывает публично не озвучиваемые большевиками нюансы текущей финансово-денежной политики, выразившиеся в ясном понимании советским правительством неимоверной сложности осуществления преобразования в финансовой системе по сравнению с проведением кардинальных политических изменений в обществе. Конструирование новой финансово-денежной системы в стране, опустошенной годами войны, оказалось на практике чрезвычайно трудным делом. В действительности, эта задача могла быть выполнена лишь по прошествии значительного времени, сохранности и достаточности материальных ресурсов, всеобщем терпении народа, внутренней сплоченности населения вокруг правительства и, конечно, внешней помощи. Однако большевики после октября 1917 г. оказались в совершенно иной ситуации. Война, лишения, разрушенная инфраструктура, голод, болезни и т.д., заставили большевиков в финансово-денежной сфере быть более прагматичными, чем следовало провозглашаемым идеологическим доктринам уничтожения денежного обращения. В целом финансово-денежная политика новой власти формировалась «на лету», отражая плачевное финансово-хозяйственное состояние страны, а также слабость экономических представлений большевиков, которые, однако, при этом не руководствовались слепо революционной идеологией, когда дело касалось «власти денег».

Ключевые слова: Великая российская революция, гражданская война, военный коммунизм, финансовая политика советского государства, экономическая история.

Современные отечественные исследователи и зарубежные русисты на протяжении многих десятилетий анализировали феномен Великой российской революции. Это одно из самых радикальных событий в истории России не только XX в., но и трехсот лет, предшествовавших октябрю 1917 г., рассматривается преимущественно с позиции всепоглощающей революционной ломки «прежних порядков». Не вызывает сомнений, что советское правительство проводило масштабные репрессивные мероприятия против «старого мира», которые кардинально повлияли на экономику, социальную структуру, внутреннюю политику, культуру, международные отношения. Однако при этом большевики действовали рационально и достаточно осторожно, насколько это было вообще возможно в ситуации революционного угара, в отношении финансово-денежного сектора страны.

На фоне постреволюционной «красногвардейской атаки на капитал», некой большевистской «инновацией» явился явный прагматизм, когда они столкнулись с вопросом о практическом пополнении госказны деньгами. Цена ошибки в реактивном «избавлении страны Сове-

тов» от «презренного металла» была соотносима с понятием «быть или не быть». Просвещенная большевистская политическая верхушка отдавала себе отчет в том, что неуправляемый красногвардейский штурм налогово-финансовой системы страны мог парализовать власть и моментально погрузить во мглу новорожденную советскую Россию.

Революционная риторика (потоком изливавшаяся на массы на митингах и из газет) об уничтожении финансовых потоков презренного капитала [1] была, по большому счету, рассчитана на подыгрывание «толпе». Де-факто, красный пиар не сопровождался немедленной заменой доставшейся в наследство от Временного правительства податной системы новым рабоче-крестьянским налоговым обложением. Какие бы радикальные доктрины большевики ни озвучивали относительно содержания, а главное, способов реализации разрабатываемого единого революционного «подходно-поимущественного налога», страна Советов продолжала жить по прежним финансовым законам.

Целая когорта наделенных властью большевиков исповедовала идеи, (не озвучиваемые публично), о необходимости выработки рациональной логистической модели, позволяющей на постоянной основе «насыщать» госказну деньгами. К числу таких высокопоставленных управленцев, объективно оценивающих финансовую ситуацию в стране, относились Н. Осинский, Ю. Ларин, М. С. Ольминский, Д. П. Боголепов и другие трезвомыслящие партийцы-экономисты. Они явно не горели желанием повторить в финансово-денежной сфере политический *modus vivendi*. Если было бы иначе, то вряд ли бы в конце ноября 1917 г. в тиши правительственных кабинетов обсуждались проекты об обложении налогами «буржуазии, которую не уплотнили», и она по-прежнему имела «барские хоромы», а также «эксплуатировала» слуг. Речь шла и о «размерах начета» на частные предприятия, реализовывавшие не товары повседневного спроса, а предметы роскоши, пользовавшиеся спросом у «капиталистов» [2, с. 29–30].

На первый взгляд, сохранение доставшейся большевикам от прежнего режима денежно-финансовой системы выглядело вопиющим фактом, не соответствовавшим революционной повестке дня. Однако это было не чем иным, как пониманием того, что означает в действительности «власть денег». Государственное безденежье могло обернуться апокалипсисом политического триумфа советской власти, набравшего обороты после октября 1917 г. Большевики, делая все возможное, чтобы не сокрушить денежно-финансовую систему страны, откровенно маневрировали. Какими бы революционные властители ни были ярыми приверженцами экспроприации банковских активов, ликвидации рынка и денег вообще, коммунистическая элита беспокоилась, как бы после уничтожения авуаров и расчетной единицы в виде рубля не похоронить под их обломками новорожденное социалистическое государство.

Не прошло мимо внимания большевиков и сильнейшее финансовое потрясение, случившееся 25 октября 1917 г. Захват революционными матросами здания Госбанка в Петрограде вызвал такой негативный резонанс в стране, что рубль молниеносно обрушился. Клиенты банков, напуганные действиями новой власти, начали по всей стране срочно спасать свои накопления. Массово закрывались счета, с которых снималось невероятное количество денег [3, л. 227]. Огромный отток из банков «наличных билетов» заставил большевиков на полную мощь включить печатный станок. В оборот начали «выбрасываться» миллиарды обесцененных денег, чтобы предотвратить надвигающийся финансовый коллапс [4, л. 226–227].

Осмотрительное поведение властей в финансово-денежной сфере привлекло внимание отдельных революционно-одержимых сторонников красногвардейского ниспровержения

«толстосумов всех мастей». Некоторые особо активные поборники нового строя «из обывательской толпы» были крайне недовольны «пробуксовыванием» революции. Те, кто жаждал революционного рванша, буквально закидывали Наркомфин своими «прожекторами» относительно очищения РСФСР от «акул империализма» и быстрого, как им думалось, финансового оздоровления страны [5, л. 1–4, 6, 14–14 об.].

Гипертрофированное мнение о зле, исходящем от денег, отдельных представителей «народа», в принципе, отвечало воззрениям политиков, мысливших искоренить материальные основы существования товарно-денежных отношений. Поэтому, как нельзя кстати, были самочинные обращения граждан в партийно-хозяйственные инстанции с требованиями решительно уничтожить «денежное обращение». Различного рода радетели «за чистоту революции» считали, что существование денег заражало жаждой наживы некоторых партийно-хозяйственных управленцев, которые, не успев «дорваться до власти», погрязли в «мещанском потребительстве» и безудержно обогащались, наверстывая упущенное во время своего безденежного прошлого [6, л. 38–39].

Сдержанность СНК в ударном преобразовании финансово-денежной системы страны была отсрочкой, которая продолжалась до осени 1918 г. Взятый властью тайм-аут по введению единого социалистического обложения являлся не чем иным, как проявлением диктатурой пролетариата инстинкта политического самосохранения. Советское правительство, осознавая роль и значение «власти денег» в таком огромном государстве, как Россия, ради сохранения как единого политического, так и неделимого денежно-финансового пространства, не решилось во имя собственной стабильности моментально сломать «буржуазную» систему зачисления налогов на общегосударственный счет [7, л. 9–10 об.]. Подобная политическая осмотрительность большевиков для мира была не нова. Но «новаторство» Советской России заключалось в том, что страна Советов в итоге решилась на красногвардейский финансово-хозяйственный штурм в виде общероссийского «разверстывания» и командно-административного изъятия денег вкупе с продуктами питания и любыми материальными ценностями, имевшимися у населения.

Шоком для граждан России стало 10-ти миллиардное налоговое бремя, взваленное на него правительством в конце октября 1918 г. Эта акция, которую власть озвучивала как чрезвычайную, однократную и направленную исключительно против «имущих классов», превратилась в революционно-финансовую экзекуцию, которая распространилась практически на всех, кто обладал хоть какими-либо материальными ресурсами. Начавшаяся массовая кампания «по сбору средств» затронула интересы тех, кто не должен был оказаться под прицелом сборщиков налогов. Предпринятый налоговый натиск, без выверенного деления на «бедных и богатых», породил волну яростного ожесточения в отношении большевиков не только среди их еще вчерашних сторонников, но и тех, кто нейтрально встретил смену власти в октябре 1917 г. Донесения с мест о выполнении чрезвычайного 10-ти миллиардного налога напоминали порой сводки с фронтов боевых действий, в которых описывался неимоверный произвол и дичайшие бесчинства, когда только благодаря массовым расстрелам удавалось «выбивать» из населения денежные средства [8–10].

Советское правительство, убедившись в неэффективности чрезвычайного налогообложения, которое не принесло ожидаемых финансовых дивидендов, а вызвало лишь масштабные политические издержки, отказалось от тотальной выемки средств из «карманов налогопла-

тельщиков». Очень скоро повсеместное распространение получила практика целевых «налоговых ударов», которые осуществлялись по инициативе ведомств, издававших различного рода распоряжения по изъятию средств. Так, Наркомфин с конца 1919 г. ополчился на потенциальных «богачей», у которых с целью пополнения государственного бюджета конфисковались любые активы [11, с. 249]. Инициативу Наркомфина активно поддержали на местах, где начали последовательно «взыскивать чрезвычайный налог с бывших владельцев национализированных предприятий». Подотчетные Наркомфину губернские финотделы рьяно взялись выполнять возложенные на них обязательства пополнить за счет «эксплуататоров» в течение 1919–1920 гг. государственный бюджет в размере 631 млн. рублей [12, с. 2].

Наделение Центром губернских органов власти полномочиями по введению на свое усмотрение местных налогов, «сообразуясь с финансово-хозяйственным моментом», породило настоящее самодурство провинциальных начальников, которые каких только не придумывали налоговых взысканий, чтобы заполучить вожделенные для «защиты революции» ценности, включая домашнюю утварь, верхнюю одежду, нижнее белье, средства гигиены и т.д. [13–14].

В эпоху «военного коммунизма», одним из проявлений которого стало скоротечное обесценивание денег, на первое место выходило не обладание почти ничего не стоящими миллиардами рублей, а овеществленными предметами в виде товаров массового спроса. Именно они позволяли в условиях хозяйственной разрухи прокормить армию, поддержать рабочих промышленных предприятий, а населению элементарно продержаться на плаву. В период гражданской войны экономика России практически натурализовалась. Деньги превратились в технический инструмент, используемый для обозначения стоимостной величины в рублях (по «твердым», т.е. фиксированным ценам), имевшихся в распоряжении государства скудных материальных средств [15, с. 8].

Когда обложение бесконечно придумываемыми на местах налогами становилось для населения не соотносимым с элементарным выживанием, в губернские центры снаряжались ходоки. Они пытались донести глас народа о творящемся произволе и найти защиту от «прихотей» региональных чиновников. В отдельных случаях губернские власти, всерьез опасаясь заметного роста антисоветских настроений, пытались остудить пыл зарвавшихся волостных начальников, которые, удовлетворяя «свои текущие потребности», придумывали для населения все новые виды налогов [16, л. 55].

В сентябре 1919 г. вопрос о безудержном налогообложении селян в Уфимской губернии стал настолько острым, что губернский ревком попытался сбить накал крестьянского негодования, адресованного советской власти. Уфгубревком, осознавая, что у него нет достаточных властных полномочий, чтобы обеспечить исполнение своих приказов, да еще в условиях дефицита в глубинке «преданных революции кадров», лишь публично пожурил низовых начальников, «неуклюжие» действия которых взбудоражили сельских жителей [17, л. 120]. В целом политика перекладывания бремени экономической ответственности на население во имя сохранения «завоеваний Октября» не только не была хоть как-то заторможена, а наоборот, набирала обороты по мере ухудшения хозяйственного состояния социалистического государства. Весной 1920 г. отдел налогов и пошлин Уфимского губисполкома принял решение «обуздать» аппетиты землепашцев, выгодно продававших в голодающей стране продукты питания и получавших в результате сделок невероятный доход [18–19]. Введенная ставка «зе-

мельного обложения», увеличившаяся почти в три раза, исходя из стоимостной величины довоенного рубля по биржевому курсу валют, была для крестьян совершенно неподъемной [20, л. 55].

Аналогичная картина наблюдалась и в Челябинской губернии. Челябинскую губернскую рабоче-крестьянскую инспекцию буквально закидали с конца 1919 г. по начало мая 1920 г. не одной сотней жалоб, в которых крестьяне просили найти управу на творимые уездными и волостными советскими управленцами «безобразия», когда от бесконечных налогов «хоть в петлю лезь» [21, л. 1].

К концу 1920-х гг. финансовое состояние государства было близко к краху. Первыми забеспокоили работников Наркомфина РСФСР. В штате Наркомфина имелись целый ряд высокообразованных специалистов, которые проводили четкое разделение между мифологизированной политэкономией социализма и финансово-хозяйственной реальностью, когда экономика страны окончательно и бесповоротно разрушалась прямо на глазах. Спецы Наркомфина, используя эзоповский язык, стали осторожно поднимать в докладах «наверх» вопрос о том, что исключительно ради спасения советской власти от гибели необходимо срочно разрешить ограниченную хозяйственную деятельность частников и прекратить преследовать «кулаков-миродов» и «спекулянтов» [22–23].

По большому счету, постановка вопроса о возможности в рамках социалистического строя перехода от жесткого командного администрирования к государственному регулированию частного капитала была вызвана политико-экономическим рационализмом не дать окончательно военно-коммунистической системе умертвить завоевания октября. В ситуации хозяйственного кризиса, небывалой с 1917 г. политизации общества (крестьянские восстания, забастовки рабочих, выступление моряков Кронштадта), массово выражавшего недовольство существующими экономическими порядками, большевики ради спасения «диктатуры рабочего класса и крестьянства» стали дрейфовать в сторону регламентированного допущения в хозяйственную жизнь страны частного капитала и «ненавистных рыночников».

Ленин и его сторонники вовремя поняли, что промедление в смене финансово-хозяйственного курса смерти подобно. Иначе их ожидала война со своим собственным народом с очевидно предсказуемой гибелью первого в мире социалистического государства. Вынужденный переход от линейной модели к многообразию товарно-денежного типа в виде привлекательного для населения социализма с «рыночным лицом» позволил не только сохранить однопартийный режим, вывести экономику страны из кризиса, но и создать финансово-хозяйственный фундамент для сталинского командно-административного реванша, реализованного в социалистической «модернизации» страны.

Литература

1. *Правда*. 1917. 17 декабря.
2. Кузовков Д. *Финансовая система в период первоначального социалистического накопления. Задачи и методы*. Петроград: Госиздат, 1923. С. 68.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 36.
4. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 36.
5. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 42.
6. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 42.
7. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 4500.
8. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 4577.

9. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 4924.
10. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 7.
11. *Сборник декретов и распоряжений по финансам 1919–1920* / Под ред. Наркомфина. Петроград: Госиздат, 1920. Т. 2. С. 209.
12. *Статистический ежегодник 1918–1920 гг.* / Сост. А. А. Гурьева, О. А. Квиткина, В. И. Масальского и др. М.: изд-во ЦСУ, 1922. Т. 8. Вып. 2. С. 383.
13. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 9.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 4.
15. *Могилевский О. А. Налоги СССР за 10 лет (Краткий обзор налогового законодательства)*. Казань: Налог. упр. Татнаркомфина, 1927. С. 32.
16. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 11.
17. НА РБ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 23.
18. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1589.
19. НА РБ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14.
20. НА РБ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 11.
21. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 363. Оп. 1. Д. 266.
22. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1572.
23. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5135.

Поступила в редакцию 04.10.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.5.6

Great Russian Revolution: financial metamorphosis in 1917 – beginning of 1921

© R. A. Khaziev

*Bashkir State University**32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Email: khazievra@mail.ru*

The author of the article examines the question, why the Bolsheviks calling for the dismantling and destroying of the old financial structures and the creation of a new economic system, that is fair and beneficial to the working masses, not adhered to their own revolutionary rhetoric in practice. Judging by their public statements regarding the nuances of financial and monetary policy, the author shows that the Bolsheviks expressed clear understanding of enormous complexity of implementing the transformations in the financial system compared to carrying out fundamental political changes in society. Construction of the new financial and monetary system in a country devastated by years of war turned out to be extremely difficult. In fact, this task can be executed only after safe and stable spending of considerable time and resources, supported by multinational population and by foreign governments. The Bolsheviks, however, after October 1917 were in a completely different situation. War, deprivation, destroyed infrastructure, famine, and disease forced the Bolsheviks in the financial and monetary area to be much more pragmatic than to follow the ideological doctrines proclaimed regarding the destruction of the monetary circulation in the country. In general, the financial-monetary policy of the new government was made “on the fly” and reflected the parlous financial state of the country and the weakness of the economic ideas of the Bolsheviks who, however, did not guided blindly by the revolutionary ideology when it came to the “power of money”.

Keywords: Great Russian Revolution, Civil War, war communism, financial policy, Soviet state, economic history.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Khaziev R. A. Great Russian Revolution: financial metamorphosis in 1917 – beginning of 1921 // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 5. Pp. 409–416.

References

1. *Pravda*. 1917. 17 dekabrya.
2. Kuzovkov D. *Finansovaya sistema v period pervonachal'nogo sotsialisticheskogo nakopleniya. Zadachi i metody [Financial system in the period of primitive socialist accumulation. Tasks and methods]*. Petrograd: Gosizdat, 1923. Pp. 68.
3. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 7733. Op. 1. D. 36.
4. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 36.
5. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 42.
6. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 42.
7. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 4500.
8. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 4577.
9. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 4924.
10. GASO. F. 25. Op. 1. D. 7.
11. *Sbornik dekretov i rasporyazhenii po finansam 1919–1920 [Collection of decrees and orders on finance, 1919–1920]*. Ed. Narkomfina. Petrograd: Gosizdat, 1920. Vol. 2. Pp. 209.
12. *Statisticheskii ezhegodnik 1918–1920 gg. [Statistical yearbook of 1918–1920]*. Comp. A. A. Gur'eva, O. A. Kvitkina, V. I. Masal'skogo i dr. Moscow: izd-vo TsSU, 1922. Vol. 8. No. 2. Pp. 383.

13. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO). F. 25. Op. 1. D. 9.
14. Tsentral'naya dokumentatsiya obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO). F. 76. Op. 1. D. 4.
15. *Mogilevskii O. A. Nalogi SSSR za 10 let (Kratkii obzor nalogovogo zakonodatel'stva) [Taxes of the USSR for 10 years (Brief review of tax legislation)]*. Kazan': Nalog. upr. Tatnarkomfina, **1927**. Pp. 32.
16. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. 64. Op. 1. D. 11.
17. NA RB. F. 234. Op. 1. D. 23.
18. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 1589.
19. NA RB. F. 107. Op. 1. D. 14.
20. NA RB. F. 64. Op. 1. D. 11.
21. Ob"edinennyy gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO). F. 363. Op. 1. D. 266.
22. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 1572.
23. RGAE. F. 7733. Op. 1. D. 5135.

Received 04.10.2017.